

«МОНАХ БЫЛ ПУТЕВОДИТЕЛЕМ НАШИМ...»:
КИЕВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.
ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

ИННА БУЛКИНА

Предмет этой статьи — киевские путешествия конца XVIII – начала XIX вв. и киевские «путеводители» (описания Киева и киевских достопримечательностей) того же времени. Точно так же, как в текстах путешествий мы различаем тексты светские и сакральные (паломнические «хождения» к святым землям), так и, говоря о разных типах путеводителей, мы должны различать путеводитель светский (прагматический) и т.н. путеводитель паломника. Это тем более имеет смысл, когда речь идет о текстах киевских путешествий и киевских описаний, — что связано с особенностями киевской истории, с традицией паломничества и поклонения «киевской святыне», наконец, с состоянием Киева в конце XVIII – начале XIX вв.

Традиция паломничества в киевские монастыри возобновилась во второй половине XVII в., когда Киев перешел под власть Российской короны (после т.н. «Вечного мира» 1686 г., подтвердившего Андрусовские соглашения 1667 г. о проведении границ между Польшей и Россией по Днепру). К концу XVIII – началу XIX вв. Киев представлял собой относительно небольшой пограничный город, в котором количество богомольцев едва ли не вдвое превышало количество постоянных жителей. К 1800–1810-м гг. разные источники называют цифры от 20 до 40 тыс. постоянных жителей, при этом количество паломников-богомольцев достигает 45 тыс. [Берлинский: 121], Иконников несколько позже приводит цифры — от 50 до 80 тыс. [Иконников: 198]. Один из самых наблюдательных киевских путешественников называет более высокое число: «Приходящих в Киев на поклонение считают ежегодно до 100 тыс. человек. Многие из сих странников умирают на пути.

Они приходят сюда обыкновенно в мае и июне, во множестве располагаются около колодезей на Подоле» [Гунн: 116].

Оттон фон Гунн, домашний доктор гр. Алексея Разумовского, совершавший вместе с ним путешествие в Малороссию, едва ли не единственный из авторов «путешествий» задается вопросом: а где квартируют паломники? Вопрос не праздный: ни в одном из киевских «путешествий» конца XVIII – начала XIX вв. мы не найдем сведений о гостиницах; первые гостиницы появляются в Киеве достаточно поздно, в 10-е гг. XIX в. В 1817 г., согласно ведомости, в Киеве было всего лишь два гостинных каменных дома. Самый известный — против Лавры (Зеленая гостиница, предприятие лаврских монахов), там останавливался Пушкин, когда приезжал на Контракты в 1820-м, там же останавливался Грибоедов летом 1825 г.

Паломники прибывали в Киев ближе к лету. Между тем, с 1797 г., когда в Киев перевели Контракты, ежегодно зимой на ярмарку стекалось огромное количество торгового народа. Тогда же для приезжих купцов был устроен на Подоле Гостиный двор, «но они предпочитали останавливаться у местных купцов, и Гостиный двор доставлял мало дохода» [Иконников: 64]. В Киеве, в самом деле, установился обычай останавливаться «по домам». Кн. И. М. Долгорукий описывает нравы приезжающих на Контракты поляков, которые «сыплют золотом», и «я видал такие дома, которые невероятный дают хозяину доход» [Долгорукий 1810: 262].

Наконец, традиционно в пограничном Киеве было много военных. Ср. в мемуарах Ф. Ф. Вигеля (отец его был комендантом Киевской крепости, и Вигель провел здесь детские годы):

Во дни оны, Киев был проезжий, пограничный город и почти столица Малороссии; кругом его были расположены войска; в нем стекались и воинские чиновные лица, и украинские помещики по делам и тяжбам, и великороссийские набожные дворяне с семействами для поклонения святым мощам, и наконец, просто путешественники, которые для развлечения посещали тогда Южную Россию, как нынче ездят в чужие края... [Вигель: 36].

Иными словами, Киев был город, в котором число приезжих почти вдвое превышало количество постоянных жителей, при этом в Киеве практически не было соответствующего секулярного обустройства, того, что мы сегодня называем «туристической инфраструктурой». Купцы и путешественники предпочитали останавливаться «по домам». При монастырях существовали странноприимные дома, там останавливались знатные паломники или просто паломники со средствами. Первые киевские гостиницы тоже были фактически «при монастырях» («Зеленая гостиница» при Лавре). Простые богомольцы стояли «у колодезей на Подоле». Подол, по свидетельству историков, был самой грязной и небезопасной частью Киева — он был более всего подвержен инфекциям и эпидемиям, часто страдал от наводнений и пожаров, облик его в значительной мере определяли бурсаки, монахи, нищие и «странные»: «Была <...> одна очень печальная черта в составе киевского населения, на которую постоянно указывают и жалуются путешественники — это масса нищих, калек и слепых у монастырей» [Иконников: 126]. «Ужасное множество странных», — свидетельствует кн. И. М. Долгорукий в «Путешествии» 1810 г. [Долгорукий: 270]. И тем не менее, Подол был средоточием народной жизни, тогда как Печерск был местом военным и «казенным». По ощущению жившего на Печерске Вигеля, Киев был одним из самых «казенных» городов империи [Вигель: 57].

В записках путешественников и в немногочисленных «описаниях» местных историков Киев никоим образом не предстает единым городом: фактически речь идет о трех «селениях», общение между которыми затруднено. Это «Верхний город» (Печерск), «Старый город» (окрестности Михайловского монастыря, София и стоящая на границе «Старого города» и Подола Андреевская церковь), наконец, третья часть — «Нижний город» (Подол). В этом смысле исключительно характерны впечатления Екатерины II о пребывании в Киеве зимой 1787 г.: «С тех пор как я здесь, все ищу: где город, но до сих пор ничего не обрела, кроме двух крепостей и предместий; все

эти разрушенные части зовутся Киевом и заставляют думать о минувшем величии этой древней столицы» [РС. 1873. VIII. 671–673].

Путешествие Екатерины, ее пребывание в Киеве, впечатления ее самой и сопровождавших ее придворных замечательны, кроме всего прочего, тем, что для этого путешествия был впервые составлен специальный «путеводитель» — «Путешествие ея Императорского Величества в Полуденный край России», изданный накануне путешествия, в 1786 г. в Петербурге. Справедливости ради заметим: это был не первый малороссийский «путеводитель». В 1773 г. Василий Рубан издал посвященные малороссийскому генерал-губернатору гр. П. А. Румянцеву «Краткие географические, политические и исторические известия о Малой России с приобщением украинских трактатов и известий о почтах, також списка духовных и светских тамо находящихся ныне чинов, числ народа и прочая...». Киеву в этой небольшой книге отведены несколько страниц, речь там об истории города, который «был прежде в цветущем состоянии. <...> Междуусобные брани, татарские и польские нападения привели его в упадок». Историческая справка в этом издании, как и в «путеводителе Екатерины», восходит к «Киевскому синопсису» 1674 г., традиционно приписываемому архимандриту Иннокентию Гизелю. Кроме того, в «путеводителе Екатерины» присутствуют идеи и сюжеты «Истории Российской» Татищева (в том числе татищевская версия о происхождении названия Киева от сарматского «кивы» — горы). Основным же источником и фактически «матрицей» этого путеводителя стали материалы топографической комиссии А. С. Милорадовича, учрежденной по указу от 5 мая 1779 г., в целях генерального межевания и создания «топографических описаний наместничеств и губерний»¹.

¹ Здесь имеет смысл упомянуть еще одно раннее описание Киева: история его создания отчасти подобна предыстории текста 1786 г. — «Описание Киева и губернии» Ивана Кириллова, созданное в 1717 г. «на основании вопросных пунктов». Оно представляет собой своего рода «памятник» бюрократических реформ

Такое «топографическое описание» обязательно включало в себя вопросник, своего рода план, и сюда последовательно входили:

- географические координаты, расстояние от соседних городов и от центра наместничества;
- на какой реке расположен город, какой берег, течение;
- чем окружен — горы, леса или степь;
- величина, на какие части делится, от чего происходят их названия; где находятся государственные и частные учреждения — в какой части;
- герб, когда и кем пожалован;
- сведения о начале, историческая справка;
- строения достойные внимания (церкви, монастыри, крепости);
- сколько парафий, церкви каменные или деревянные, когда построены;
- население — состав, количество, чем занимается;
- ярмарки, хозяйство и промышленность.

Описание Киевского наместничества было составлено в 1786 г., к нему прилагались характеристики монастырей, перечень Лаврского имущества и царских грамот, пожалованных Лавре. Активизация работы по описанию Киевского наместничества связана именно с путешествием Екатерины. Описание наместничества и «Путешествие...» вышли почти одновременно, в 1786 г., «в порядке надлежащего приуготовления» к путешествию. Указание на это содержалось в предисловии, а в конце книги прилагался маршрут с исчислением верст и карта. Киеву посвящено чуть более десятка страниц, и эта «киевская часть» затем многократно переиздавалась как «описание киевских достопамятностей». Кроме того, в лаврской типографии регулярно переиздавалось «Краткое историческое описание Киево-

петровской эпохи и предуготовляет учреждение «Малороссийской коллегии» (1722–1727). Однако этот текст так и остался архивным «памятником»: найден и опубликован он был лишь в 1831 г. М. П. Погодиным.

Печерской лавры» с приложением некрополя («Известия о погребении в Киеве князей и княгинь роду Рюрикова»)².

Короткая историческая справка красноречива и обнаруживает своего рода программу. С одной стороны, она воспроизводит традиционную средневековую модель “ubi gloria...”, суть которой в падении великого некогда города, древней славянской столицы. С другой, она предполагает идею, которая будет затем положена в основу всех последующих изданий «киевских историй»: жалкое состояние славного города до возвращения его под Российскую корону. Однако важно отметить, что в этом конспективном изложении киевских бедствий выпущены традиционные мотивировки архетипических сюжетов: падение города не вытекает здесь из его прегрешений (общехристианский сюжет, который в случае старокиевской истории трактовался как наказание за «удельщину», княжеские усобицы); нет акцента на упадке Киева под властью католической Польши и на восстановлении в нем Православной Митрополии, — это станет главной темой более поздних «киевских текстов». Фактически, «путеводитель» с кратким экскурсом в историю Киева всего лишь «предуготовлял» Екатерину к виду развалин и «жалкого города»:

В 968 город сей был осажден печенегами; в 1080 г. сим же народом округа киевская опустошена, и самый город находился в осаде. <...> В 1017 выгорело в нем до 700 домов, почему и заложен подле старого города новый. В 1034 г. объявлен великим князем Ярославом Владимировичем столицею всея России, и был в сем состоянии по 1239 г., до разорения Батьем учиненного.

В 1092 опустошен был сильным моровым поветрием. В 1100, 1116, 1121 и 1130 было в нем землетрясение, а в 1124 превращен был совсем в пепел страшным пожаром, продолжавшимся целые двое суток. В 1149 отнят у великого князя Киевского Изяслава князем Юрием Владимировичем Долгоруким. В 1169 по долговременной осаде взят, разграблен и сожжен войсками князя Андрея Боголюбского и прочих князей.

² Авторами «Описания» последовательно становились киевские митрополиты Самуил Миславский (изд. 1795 г.) и Евгений Болховитинов (изд. 1826 г.).

В 1174 также взят Святославом Всеволодовичем князем Черниговским. <...> В 1205 <...> княжил в Киеве Угорский королевич Коломан, но недолго, ибо Мстислав Мстиславич наследный Галицкий князь, завладев городом, пленил Коломана, и вместе с его супругою заключил в узы. <...>

В 1235 взят и сильно опустошен князем Изяславом с половцами и князем Михайлом с Черниговцами. В 1239 Татарский хан Батый завладел Киевом, который и находился под игом Татар около 80 лет. В 1320 захвачен Литовцами. В 1481 г. царем крымским Менгиреем не только взят, разграблен и укрепления его разорены, но и жители вместе с воеводою литовским отведены в плен. В 1654 отнял его царь Алексей Михайлович у польского короля Иоанна Казимира. В 1667 при заключении Андрусовского мира оставлен на время, а в 1686 совсем уступлен России [Путешествие Екатерины: 34–35].

Такова славная история всероссийской столицы, никоим образом, казалось бы, не подтверждающая ее величия, однако о величии сказано уже на следующей странице, в первых строках описания города: «Со стороны приезда его из сея реки вид наипрекраснейший и достойный его величия» [Там же: 36]. Характерно, что сама императрица и сопровождавшие ее «мемуаристы» едва ли не дословно цитируют путеводитель, по крайней мере, обнаруживают знакомство с ним и с той идеей, которую вкладывали в него создатели и устроители этого великого путешествия³.

Екатерина и двор прибыли в Киев 29 января 1787 г. и, «сдерживаемые льдами», пробыли здесь около трех месяцев. Похоже, что самый маршрут и обстоятельства были предусмотрены Потемкиным, устроителем этого путешествия, заведомо для того, чтобы зимние месяцы со всеми их погодными и

³ Подтверждение тому находим у Сегюра. В ответ на жалобы французского посланника на однообразие впечатлений (путевой распорядок был светский, а не «туристский»: одни и те же «балы и православные обедни» на протяжении всего путешествия), — Екатерина отвечает: «Я путешествую не для того, чтобы осматривать местности, но чтобы видеть людей. Я довольно знаю этот путь по планам и описаниям» [Сегюр: 154].

бытовыми неприятностями Екатерина провела в Киеве, наскучила им, прочувствовала всю никчемность здешнего хозяина гр. П. А. Румянцева (об интриге и соперничестве Румянцева и Потемкина красноречиво пишет Сегюр [Сегюр: 152–153]), после чего встретила весну уже во владениях Светлейшего: «Движение высочайшей свиты на юг совпадало с весенним оживлением природы» [Зорин: 108]. Первым пунктом после Киева стал Кременчуг, и Екатерина, не колеблясь, сделала сравнение в пользу последнего: «Кременчуг, <...> если сметь сказать, лучше Киева, по крайней мере, местоположение веселее». «Здесь все деревья без изъятия раскинулись и тепло, как у нас в июле. Здешний город веселее Киева» [КС 1891: № 7, 27–28, 34].

Следы знакомства с путеводителем и с заведомой его установкой находим в свидетельствах Сегюра: «Подъезжая к Киеву, испытываешь то особенное чувство уважения, какое всегда внушает вид развалин» [Сегюр: 153]. Отметим, что при подъезде к Киеву со стороны Днепра развалины не видны, путешественникам открывается канонический вид на Лавру, да и настоящие «киевские развалины» были «открыты» гораздо позже, в пору археологических разысканий 1820–1830-х гг. Сегюр, судя по всему, имеет в виду метафорические «развалины» — наподобие греко-римских. Французский посланник заранее испытывает к ним уважение, подготовленный исторической справкой о «величии» упавшей столицы.

Далее Сегюр приводит характерный разговор Екатерины с дипломатами: «Когда мы осмотрели эту древнюю столицу с ее окрестностями, императрица захотела узнать, какое впечатление она произвела на меня, Кобенцеля и Фитц-Герберта, и после этого с усмешкой заметила, что различие наших мнений дает довольно верное понятие о характере трех народов, которые мы представляли». Этот пересказ слов Екатерины Сегюром скорее дает представление о том, что сам он думал о характере своих сотоварищей по дипкорпусу: Кобенцеля он полагает недалеким и лицемерным, Фитц-Герберта — прямым и недалеким, себя самого — остроумным и проницательным: «“Как нравятся вам Киев?” — спросила она у графа Кобенце-

ля. “Государыня, — воскликнул граф с выражением восторга, — это самый дивный, самый величественный, самый великолепный город, какой я когда-либо видел!”. Фитц-Герберт отвечал на тот же вопрос: “Если сказать правду, так это незавидное место, видишь только развалины да избушки”. Когда с таким же вопросом обратились ко мне, я сказал: “Киев представляет собою воспоминание и надежды великого города”» [Сегюр: 153].

Это, безусловно, *bon mot*, но отметим опять же отсутствие описания настоящего состояния и акцент на прошлом. Будущее тут, надо думать, вставлено для симметрии. «Надежды» (а Сегюру как доверенному лицу Потемкина это было известно) связывались не с малороссийскими, а с новороссийскими губерниями.

То, что думала о Киеве сама Екатерина, отчасти было похоже на формулу Сегюра. Ср. приведенную выше цитату из письма Павлу: «...Все эти разрушенные части зовутся Киевом и заставляют думать о минувшем величии этой древней столицы» [РС 1873: VIII, 671–673]. И в том же роде пишет она Гримму: «Странный здешний город: он весь состоит из укреплений, да из предместий, а самого города я до сих пор еще не могу доискаться; между тем по всей вероятности в старину он был, по крайней мере, с Москву...» [РА 1878: III, 131].

Последовательное воплощение идеи о минувшем величии, роковых бедствиях и настоящем упадке древней столицы можно, так или иначе, проследить и в позднейших киевских описаниях. Самое известное из ранних описаний Киева принадлежит Максиму Берлинскому. Эта небольшая книга издана в 1820 г., однако составлялась она гораздо раньше. «Пространная история г. Киева с топографическим его описанием, собранная из разных киевских книгохранилищ и старинных рукописей» была написана в начале 1800-х гг., некоторые материалы из нее были опубликованы затем в журнале «Улей» [1811. № 5, № 8] и в «Соревнователе просвещения и благотворения» [1819. № 7]. Берлинский пользовался бумагами сгоревшего в 1811 г. магистрата.

«Краткое описание города Киева, содержащее историческую перечень сего города, также показание достопамятностей и древностей оного» М. Берлинского по историческому ощущению, по характеру материала и его изложения — памятник конца XVIII в. Структура его повторяет вопросник Милорадовича. Вначале — географические координаты: «Киев город, один из известнейших в свете и древнейших в России, стоит на правом берегу реки Днепра ...», после чего указаны широта, долгота, длительность светового дня, короткое известие о племенах и народах, здесь обитавших, приведены все версии о происхождении названия — как исторические, так и легендарные. «Историческая перечень» отчасти повторяет «екатерининский» путеводитель, но пафос и стилистика выдают знакомство автора с польско-латинскими историческими памятниками:

Таков был Киев прежде, и ежели не изяществом зданий, по крайней мере, пространством, многолюдством, пребыванием в нем Князей, мог слыть славным, процветающим и благоденствующим городом. И в сию-то эпоху его величества Хан Батый наложил на него губительную руку, храмы разорены, жилища сожжены, жители разсеяны или погублены!

Почти без жителей, затем между бывшими пожарищами бедные хижинки, бессильные и робкие жители срубили на месте старого Киева деревянный острог и на Подоле огородились палисадником. В таком крайнем запустении город находился до владения Литовских удельных князей [Берлинский: 16].

Мы однажды уже указывали на близость этого текста к ванитативному комплексу *tekta Kiovi* («киевские кровли») [Булкина 2004: 97, 103]. Киев в средневековых польских памятниках зачастую уподоблялся поверженной Трое и захваченному варварами Риму⁴. Ср. у Берлинского: «Если предание оставило нам за достойное внимания, сведения о Ромуловом палисад-

⁴ Описание топоса “ubi Gloria” в средневековых польских текстах см. в работе Д. Кюнстлер-Лангнер, параллели из «Хроники» Стрийковского и “Camoenas Borysthenides” приводит Н. Н. Яковенко [Яковенко: 287–288].

нике, об Иудейских куцах, о Карфагенской коже, то может быть, когда-либо и бедность сей упавшей Всероссийской столицы будет любопытна» [Берлинский: 19].

Заметим, что автор более позднего киевского «описания» Н. Закревский тоже начинает с традиционных параллелей, но вышедший в середине 1830-х гг. «Очерк истории города Киева» принадлежит другой эпохе, и пафос его прямо противоположен и очевидно полемичен по отношению к тексту Берлинского и его польским источникам:

Киев не может состязаться в древности с Афинами, ни в огромности с Пекином; в нем антикварий не найдет развалин Пальмиры, и путешественник не увидит пирамид Египта, изумляющих своею огромностью. Он не был повелителем света, как Рим, не был законодателем ветреной моды, как Париж: но не смотря на все это Киев есть священное достояние Русских! Это есть место, откуда Христианская религия распростерла благотворные лучи по всему горизонту Русскому. Это есть колыбель просвещения для потомков Словен, служившая и вторично Афинами для нас. Кратко, Киев, знаменитый величием и несчастьями, есть краса в истории нашего отечества, есть лучший бриллиант в короне наших Государей! [Закревский: 5]

Иными словами: Киев — не кладбище былой славы, Киев — колыбель просвещения и начало православия славян. Это новый пафос, характерный для николаевской эпохи — времени учреждения университета и восстановления в польском городе (и польском изначально университете) *русского* духа и *русской* народности. Это пафос Уварова и Максимовича, это общая идея политики Николая в Киеве и Юго-Западном крае, что составляет отдельный предмет и находится за рамками этой работы. Здесь же укажем лишь на то, что «киевский план» Екатерины и Потемкина принципиально отличался от позднейшей «православной миссии» Николая. «Провинциальная реформа» Екатерины и ее политика в «присоединенных» юго-западных губерниях носила в большей степени секулярный характер: и знаменитая «киевская пертурбация» 1786 г., имевшая целью сокращение монастырей и монастырской собственности, и идея несколько более позднего времени о пре-

образовании Киевской духовной академии в светский университет, наконец, собственно план реконструкции Киева, разработанный генерал-аншефом И. И. Меллером и гр. А. П. Шуваловым, подписанный Екатериной и предполагавший уничтожение (снос) Подола, центра народной и духовной жизни, — все это свидетельствует об идее иного порядка. Эта «киевская идея» находится в русле общей «новороссийской» концепции, и она менее всего означает возвращение к Киеву как исторической «колыбели православия». Киев в рамках этого проекта действительно, в большей степени, «воспоминание великого города» и в несколько меньшей — надежда. Однако то будущее, которое мыслили для Киева Екатерина и Потемкин, связано было с бюрократическим и юридическим обустройством, приведением «старопольских порядков» в соответствие с общеимперской «вертикалью» и с общей секуляризацией образования.

Заметим, что «киевская пертурбация» не вполне удалась: Румянцев здесь взял верх над Потемкиным — большую часть киевской монастырской собственности и академию удалось отстоять. Точно так же и екатерининский план реконструкции Киева и сноса Подола воплощен не был: он был спущен на тормозах и окончательно отменен указом от 13.10.1797. Еще три десятилетия — фактически до начала николаевского царствования и деятельности «Левашовского комитета» — Киев остается в прежнем состоянии. На его внешнем виде более всего сказался большой пожар 1811 г., который, по свидетельству путешественника, в конечном счете «способствовал украшению» Подола: «Улицы разбиты гораздо правильнее, дома построены в порядке и по хорошим рисункам; везде промежутки наблюдаются в пристойной мере. Нет прежней тесноты, которой опасность доказана опять была столь пагубным опытом» [Долгорукий 1817: 106].

Между тем, идея о «воспоминании великого города», так или иначе заявленная в «путеводителе Екатерины», с очевидностью прослеживается затем в «путевом киевском тексте». В этом смысле чрезвычайно характерно киевское письмо Гри-

боедова — в свернутом виде оно содержит основные мотивы такого текста:

Здесь я пожил с умершими: Владимиры и Изяславы совершенно овладели моим воображением; за ними едва вскользь заметил я настоящее поколение; как они мыслят и что творят — русские чиновники и польские помещики, бог их ведает. Природа великолепная; с нагорного берега Днепра на каждом шагу виды изменяются; прибавь к этому святость развалин, мрак пещер. Как трепетно вступаешь в темноту Лавры или Софийского собора, и как душе просторно, когда потом выходишь на белый свет... [Грибоедов: 515].

Итак, выделим мотивы некрополя, «священных развалин», контраст прошлого и настоящего (крайняя незначительность этого настоящего), смешение польского и русского, причем казенность русского и большую укорененность польского. Наконец, мрак пещер и — *«как душе просторно, когда потом выходишь на белый свет...»*. Эти мотивы мы будем встречать в той или иной степени у всех путешественников и мемуаристов. Все они пишут о могилах и непременно упоминают Лаврский некрополь. Но его описание многократно переиздавалось, а посещение входило в «обязательную программу». Как правило, путешественники упоминают и «Оскольдову могилу» (это не связано с популярной оперой Загоскина-Верстовского, речь о более ранних текстах, и скорее Загоскин выбирал для названия известный легендарный топос).

Традиционный вид киевского «времяпрепровождения»: самостоятельные поиски могил и прогулки по кладбищам. Это отчасти связано с романтической археологией, предпочитавшей истории легенду и ставившей «догадку выше разума». Пример такого рода «романтического археолога» — известный в Киеве К. А. Лохвицкий. «Тут была могила Олега! — сказал он с уверенностью, живо напомнившие мне покойного Кондратия Андреевича Лохвицкого», — замечает М. А. Максимович об одном из своих киевских спутников [Максимович: 20]. Поиски могилы Олега на Щекавице — один из самых популярных «туристских» сюжетов. В каком-то смысле следы

такого киевского «романтического времяпрепровождения» несет пушкинская баллада о Вещем Олеге⁵.

Прогулкам по Щекавице посвящены и не столь известные тексты. Мы приведем здесь замечательную «виньетку» Максимовича:

Ой, изгадай, друже милый
Як зи мною ты гуляв
На Скавице, де шукав
Вещего могили!...
Мы чужих могил шукаем
А могила знайде нас.
Коли ж прийде смертний час
Того не вгадаем! [Максимович: 19]

Те же «философические» мотивы обнаруживает барочная «надпись» А. Подолинского «На развалинах Десятинной»:

⁵ Выбор Пушкиным «баснословного сюжета» здесь тем более свидетельствует о романтическом предпочтении «догадки» «разуму» и «возвышенного обмана» — «тьме низких истин». Поясняющий комментарий к такому выбору — в полемических заметках А. И. Тургенева к «рекомендованным сюжетам» Карамзина. Карамзин предлагает сюжет о смерти Олега для картины «философической»: «Во всяких старинных летописях есть басни, освященные древностию и самым просвещенным историком уважаемые, особливо если они представляют *живые черты времени*, или заключают в себе нравоучение, или остроумны. Такова есть басня о смерти Олеговой...» [Карамзин: 294–295]. Тургенев в своих «критических примечаниях» настаивает на правиле: «не изображать ничего баснословного», и взамен «философической картины, основанной на басне», предлагает сюжет иного рода — с шекспировскими страстями: «На что нам представлять баснословную кончину Олега <...>, когда мы можем изобразить гораздо разительнейшую кончину Святополка, сего несчастного братоубийцу, блуждающего в густых лесах Богемских, почти всеми оставленного, мучимого собственной совестью, которому беспрестанно кажется, что его преследуют. <...> Ведь автор желает иметь также картину и другого рода — *философическую*. А что может быть нравоучительнее смерти злодея» [Тургенев: 280]. Пушкин отдает предпочтение *басне*.

Зачем тревожить сон гробов,
 Могил священное молчанье,
 И поверять бытописание,
 Стряхая с камней пыль веков?
 Все та же истина: от века
 Иной нам опыт не открыл.
 Мы видим крепость Вышних сил
 И всю ничтожность человека!
 А время! Кто его сочтет?
 Оно до нас существовало,
 Исчезнем мы — оно сольет
 С своим концом свое начало,
 Как на граните гробовом
 Змея согнутая кольцом! [Киев: 43]

В таком «кладбищенском» контексте любопытно еще одно свидетельство: киевские страницы «Записок» мадам де Сталь. Собственно, кладбище — это первое, что видит она при въезде в Киев: «При въезде в Киев взор мой, прежде всего, поразило кладбище; это обиталище мертвых подсказало мне, что поблизости обитают живые» [Сталь: 201].

Мадам де Сталь принадлежала к тому небольшому числу авторов-путешественников, которые подъезжали к Киеву не с востока, т.е. не с левого берега Днепра, а с запада: ее путь лежал из Польши через Галицию и далее по Житомирскому тракту. Обычно путешественники въезжали через Бровары, где ночевали, и уже утром переправлялись через Днепр. Поэтому каноническое описание Лаврской горы — утренний пейзаж: сначала все скрыто облаками, затем при первых лучах солнца вдруг появляются золотые маковки церквей:

Багровое зарево возвещало нам появление Феба, мрачные тени исчезали, солнце начинало восходить. Первые лучи его падали на вершины Заднепровских гор. <...> Отъехавши 15 верст, мы увидели Киев, увидели — и изумились величественным зрелищем высокой и крутой горы, на которой посреди многих златоглавых церквей и едва видимого в отдалении города возвышался ужаснейшей величины колосс, блистающая вершина коего, казалось, была сокрыта в облаках. Вид города, в котором предки наши получили первое понятие о всемогущем Творце; вид храмов Божи-

их, скрывающих в себе столько священного и торжествующая при восхождении солнечной природы возбудили во мне высокие и приятные чувства [Левшин: 83, 85–86].

Ср. у Оттона фон Гунна: «Однако ж мы приехали к сему святому граду слишком рано, ибо он подобно Монтбланку был от любопытного взора нашего сокрыт облаками; но чем ближе подъезжали к Днепру, тем более прогоняло восходящее солнце густой осенний туман, и мы узрели пред собою сию с вечностью спорящую твердыню России во всем ее великолепии и силе, нашли ее непобедимую извне по крепкому ее положению, непобедимую и изнутри по первоначальной в ней основанному престолу веры и Христианского закона» [Гунн: 100].

В такого рода «зачинах», с которых обычно начинаются «путевые описания» Киева, замечательно изменение тона и пафоса, экстатическое нарастание метафорики и появление некоего символического плана: в этот момент секулярное путешествие фактически обращается в «паломнический текст». Но это паломнический текст в том виде, каким мыслят его именно светские путешественники. Самый характерный пример не канонического, но романтического «хождения» — «Путешествие» Андрея Муравьева. Здесь символическим становится не только пейзаж, но сама драматургия путешествия — от Броваров путника преследовала черная туча, перед самым Киевом разразилась языческой силы гроза:

Я вспомнил последний день Помпеи и поверял природою дивную кисть вдохновенного художника. Далеко впереди блеснула внезапно золотая глава колокольни Печерской, как <...> от времени до времени зажигался предо мною ее путеводительный Форос, увенчанный спасительным знаменем креста! — Не так ли внезапно возникнет он и в день пришествия Сына Человеческого, которое будет по словам Евангелия так же как молния, исходящая от востока и блистающая до запада [Муравьев: 1–2].

У Андрея Муравьева, как это и положено в сакральном тексте, топография символическая, т.е. реальные части света накладываются на библейские. Однако заметим, что в киевском случае реальные Восток и Запад меняются местами: паломник

приближается к Святыне не с запада (как в канонических хождениях), а с востока. Но Андрей Муравьев мыслит Киев Иерусалимом, и для него блеск Лаврской колокольни подобен «молнии, исходящей от востока».

По прибытии в Киев путешественники приступали обычно к осмотру святынь, и в зависимости от того, где они остановились — в Лавре или в Михайловском монастыре, описания начинаются или с мощей св. Варвары в Михайловской церкви, или с собора Успения в Лавре. Лаврские пещеры составляют обязательную «аттракцию». Туда водили даже мадам де Сталь, хотя она путешественницей (и тем более — паломницей) в обычном смысле не была и киевскими достопримечательностями интересовалась мало. Для нее Восток и Запад накладывались на другую систему координат — просветительскую, Киев показался ей городом восточным, сама «греческая религия имеет в себе <...> многое (что) роднит ее с Востоком <...>, здешние церкви, похожие более на турецкие и арабские минареты, чем на наши храмы» [Сталь: 202]. Однако «катакомбы», как она их называла, были ей любопытны, и она нашла их подобными римским. Но если в римских более всего ее поражал контраст между жизнью и смертью: «Сколько энтузиазма требовалось, чтобы здесь жить! Как сильно эта жизнь походила на смерть!», то в случае киевских пещер контраст между светом и тьмою, жизнью и смертью был не так очевиден: «В здешнем краю контраст между белым светом и подземным миром, должно быть, не так велик» [Там же: 202, 662]. Не исключено, что и тут в силу вступает просветительская метафора: для западных путешественников, отправлявшихся на Восток, так или иначе имела значение оппозиция света (Просвещения) и тьмы (*ténèbres*), в которую погружены удаленные от западной цивилизации народы. Восточный Киев пребывал в области *ténèbres*, в некоем переходном — между тьмою дикости и светом цивилизации — состоянии, наконец, он, в самом деле, приближен к «подземному миру», недаром первым впечатлением от него стало кладбище.

Тем характернее аналогичное рассуждение о пещерах у Муравьева. Сознательно или нет, он полемизирует с мадам

де Сталь: «Как выразить все, что поразило взоры, что взволновало душу при столь внезапном переходе из мрака пещерного на Божий свет. <...> Никогда краше не представлялась мне Божия вселенная. <...> Какая пышная зелень по диким обрывам бегущая к реке, какие белые хижины живописно раскинуты по утесам». Если Муравьев, подобно мадам де Сталь, имел в виду параллель с римскими катакомбами, то его Киев отчасти подобен гоголевскому Риму, и происходит это представление, вероятно, из одного источника: из сентименталистской традиции уподобления Малороссии и Авзонии, идиллического патриархального края, где реки текут молоком и медом. Но муравьевский образ киевской Святыни опирается на библейскую и паломническую традицию видений Рая, где образ Рая связан с Городом и Садам, с Рекой, Светом, Горой. Описания Лаврского сада должны напоминать об Едеме, и в этом смысле характерна фраза Владыки: «Если же так тебе нравится Киев с его святынею, подумай, каково должно быть царство небесное»» [Муравьев: 8].

Не исключено, что сочинение Муравьева ориентировано на «Беседу о святынях Царьграда», памятник XIV в., восходящий, как полагают, к византийской традиции диалогов и недошедшему до нас описанию Константинополя Григория Калики, будущего архиепископа новгородского [Лихачев: 123]. Написано оно в форме беседы между епископом и царем. Царь задает вопросы, епископ рассказывает о городе и его святынях. Именно так — в форме беседы между автором и Владыкой построен текст Муравьева. Но повторим: «Путешествие» Муравьева опирается на канон, однако его экстатически-приподнятый тон и насыщенный метафорикой стиль выдают светского путешественника, романтического паломника и усердного читателя Ламартина и Шатобриана.

Древнерусские хождения полны бытовых деталей и наблюдений, всего того, что мы едва ли найдем в свидетельствах киевских путешественников-паломников. Для них быт заканчивался в Броварах. С другой стороны, киевские «паломничества», по идее, должны быть уподоблены «хождениям» в Иерусалим, самое известное из которых — «Хождение игумена Да-

нила» (XII в.). Иерусалимские хождения изобилуют чудесами, в киевских текстах их немного (вероятно, легендарный пласт обрелся не в письменной, но в устной страннической стихии), зато обнаружим подробнейшие описания богатств киевских храмов, перечисление даров и дарителей, — фактически путешественники пересказывают информацию, полученную от путеводителей-монахов.

Ближе всего к средневековому канону «Хождения» суховатое и обстоятельное «Путешествие Высокопреосвященнейшего Платона, митрополита Московского и разных орденов кавалера, в Киев и по другим российским городам в 1804 г.», изданное в 1813 г. в Петербурге. Написано оно тоном деловитым и обыденным, повествование заведомо сниженное. Вот как впервые — из Броваров — митрополит описывает Лаврскую колокольню:

...Доехали до села Бровары <...> отселе дорога почти голый песок до самого Киева, без малого за 20 верст, по обеим сторонам кустарник и мелкий сосновый или дубовый лес; и вид представляет невеселый. <...> Верст за 20 увидели мы колокольню Печерской лавры; но как было время к вечеру, и несколько мрачно, то она казалась нам некоторым высоким столбом [Путешествие: 39].

Основное содержание этого путешествия составляет ритуал исполнения службы, церкви здесь описаны подробно, со спокойной деловитостью: «Церковь великая и высокая с куполом красивым и веселым, довольно просторная. <...> Иконостас резной, хороший <...> вся церковь и олтарь расписаны по местам с позолотою...» [Путешествие: 42]. Наконец, митрополит московский отмечает относительную новизну киевских «древностей». Все то, что восторженные сентиментальные путешественники именуют «готикой»⁶, митрополит признает как «не-

⁶ Ср. у др. путешественника описание Андреевской церкви, построенной лишь за несколько десятилетий до того момента, когда ее увидел автор «Писем»: «Готическая архитектура, более величественная, нежели прекрасная, украшает наружность сего храма

давнее сооружение». Фактически у Платона едва ли не впервые появляется акцент, столь очевидный в николаевскую эпоху: «возобновление» киевских древностей, «когда под благословенную России державу подошла Малороссия»:

Весьма примечательно, что хотя церковь Софийская, Печерская, Николаевская и прочия суть древние, и иные более 700 лет, и где б мы ожидали найти следы древности; но явно видимо, что во всех тех церквах образа, иконостасы, росписание стенное, все не показывают древность, а представляют, что они или недавно писаны и деланы, или в 17, или в 18 столетии. Много в Москве и в других городах около Москвы можно найти образов, иконостасов и росписаний, которые более изъявляют древность, нежели все оные, где была колыбель веры. Видно, что разные вражеские разорения все древнее уничтожили и заставили все вновь сооружать; особливо когда под благословенную России державу подошла Малороссия [Путешествие: 51–52].

«Путешествие Высокопреосвященнейшего Платона...» и по жанру, и по стилю, составляет очевидное исключение на фоне сентиментальных киевских путешествий начала XIX в.⁷

Напротив, гораздо более характерным представляется неоднократно цитировавшееся выше «путешествие» однофамильца митрополита, будущего писателя и этнографа Алексея Левшина («Письма из Малороссии», 1816). Этот автор соединяет в одном лице чувствительного путешественника-туриста и паломника. Он «воспламеняется» от вида «торжествующей природы», «с почтением взирает на памятники древности»,

и, придавая ему вековую древность, вселяет какое-то невольное почтение» [Левшин: 125].

⁷ Отдельного разговора заслуживают «антипаломнические» по своему пафосу заметки кн. И. М. Долгорукого. Оба его киевских путешествия (1810-го и 1817-го г.) различаются по пафосу и интонации, заведомо субъективны и продиктованы биографическими обстоятельствами (сам он в предисловии к изданию 1817 г. объясняет причины своей раздражительности в первом путешествии недавней смертью близких людей и т.д.). Но, независимо от этого, они исключительно интересны и требуют более подробного рассмотрения.

вспоминает «Слово» и «воинственных предков наших, которые на борзых конях, с булатными мечами, в блестящих панцырях и шлемах являлись сюда на защиту отечества». Затем — уже следуя Стерну — резко меняет тональность и фиксирует собственное несчастное состояние: «Мечтания мои исчезли, когда я увидел, что лошади не только не могли нас мчать; но вытянув шеи, едва тащились по глубокому песку, между ужасными соснами, может быть, современными миру» [Левшин: 86]. Наконец, и в лаврских пещерах он остается внимательным туристом и чувствительным наблюдателем, и вполне в духе времени оставляет память по себе даже в обители святых мощей:

Монах был путеводителем нашим. Он ввел нас в узкую, длинную и искривленную пещеру, по обеим сторонам которой покоятся мощи Святых и видны окошечки <...>; а на стенах, невероятно твердых и от свечей закоптившихся, белеют вырезанные имена посещавших сии места. Ежели вы будете в них когда-нибудь, то ищите имя друга вашего. Вы найдете оное на стене, ножом два раза нацарапанное [Там же: 110].

СОКРАЩЕНИЯ

ВЕ: Вестник Европы.
КС: Киевская старина.
РА: Русский архив.
РС: Русская старина.
СВ: Северный вестник.

ЛИТЕРАТУРА

- Берлинский: *Берлинский М.* Краткое описание Киева, содержащее историческую перечень сего города, так же показание достопамятностей и древностей оного. СПб., 1820.
- Булкина 2004: *Булкина И.* Киевский текст в русском романтизме // Лотмановский сборник 3. М., 2004. С. 93–104.
- Бутич: *Бутич І. А.* Географічні описи Київського намісництва // Історичні джерела та їх використання. 1966. Вып. 2. С. 163–178.

- Вигель: *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1891.
- Грибоедов: *Грибоедов А. С.* Сочинения. М., 1988.
- Гунн: *Гунн О., фон.* Поверхностные замечания по дороге в Малороссию в осени 1805 года. М., 1806.
- Долгорукий 1810: *Долгорукий И. М.* Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда в 1810 году. М., 1869.
- Долгорукий 1817: *Долгорукий И. М.* Путешествие мое в Киев в 1817 году. М., 1870.
- Есипов: *Есипов Г. В.* Путешествие имп. Екатерины II в южную Россию в 1787 г. // КС. 1891. Т. XXXII. С. 98–118; Т. XXXIII. С. 215–231, 402–421.
- Закревский: *Закревский Н.* Очерк истории города Киева. Ревель, 1836.
- Зорин: *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла...: Русская литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.
- Иконников: *Иконников В. С.* Киев в 1654–1855 гг.: Историч. очерк. Киев, 1904.
- Карамзин: *Карамзин Н. А.* О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств: Письмо к господину N.N. // ВЕ. 1802. Ч. 6. С. 289–308.
- Киев: Киев в русской поэзии: Альбом. Киев, 1878.
- Кюнстлер-Лангнер: *Künstler-Langner D.* Miasto w systemie znakow vanitas: poezja staropolska // Akta universitatis Nicolai Copernici. Filologia polska, XXXII. Torun, 1989. S. 3–19.
- Левшин: *Левшин А.* Письма из Малороссии. Харьков, 1816.
- Лихачев: *Лихачев Д. С.* Путешествия [в литературе Новгорода XIII–XIV вв.] // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941–1956. Т. II. Ч. 1: Литература 1220-х – 1580-х гг. С. 121–127.
- Максимович: *Максимович М. А.* Письма о Киеве. СПб., 1871.
- Мельник: *Мельник П.* Опис Києва першої чверті XVIII ст. // Пам'ять століть. 1999. № 2. С. 36–42.
- Муравьев: *Муравьев А.* Путешествие по святым местам русским: Киев. СПб., 1844.
- Путешествие: Путешествие Высокопреосвященнейшего Платона, митрополита Московского и разных орденов кавалера, в Киев и по другим российским городам в 1804 г. СПб., 1813.
- Путешествие Екатерины: Путешествие ея Императорского Величества в Полуденный край России. СПб., 1786.

- Рождественская: *Рождественская М. В.* Рай мнимый и Рай реальный: древнерусская литературная традиция // Образ Рая: от мифа к утопии. СПб., 2003. С. 31–46 (Сер. “Symposium”. Вып. 31).
- Рубан: Краткие географические, политические и исторические известия о Малой России с приобщением украинских трактов и известий о почтах, також списка духовных и светских тамо находящихся ныне чинов, числ народа и прочая, из разных мест собраны и изданы в свет Васильем Рубаном. СПб., 1773.
- Сегюр: Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865.
- Сталь: *Сталь Ж. де.* Десять лет в изгнании / Пер. с фр., ст. и коммент. В. А. Мильчиной. М., 2003.
- Толочко: *Толочко О.* Києво-руська спадщина в історичній думці України початку ХІХ ст. // Україна і Росія в історичній ретроспективі. Київ, 2004. Т. 1: Українські проекти в Російській імперії.
- Тургенев: *Тургенев А. И.* Критические примечания, касающиеся до древней Славяно-Русской Истории // СВ. 1804. Ч. 2. № 6. С. 267–293.
- Яковенко: *Яковенко Н. Н.* Паралельний світ: Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні ХVІ–ХVІІ ст. Київ, 2002.